

КНИГА ШЕСТАЯ*

5. [Эллины имели некоторое понятие об истинном Боге]

А тому, что похитители-эллины имели достаточное представление обо всем Писании, есть много доказательств. И о том, что они постигли Бога не через исследование, но на основе свидетельства их собственного предания, говорит Петр в своей «Проповеди»¹. «Итак, исповедуйте, — говорит он, — единого Бога, признавая Его Творцом всех вещей. В руке Его начало и конец всего сущего. Он зрит все, хотя Сам и невидим. Все содержит Он в своей власти, Сам не будучи содержим ничем. Ни в чем Он не нуждается, тогда как в Нем имеют нужду все, и все только Им одним существует. Он непостижим, вечен, неизменяем, несотворен. Все сотворил Он силою Слова Своего», т. е. [властью] Сына Своего. Далее Петр говорит: «В почитании этого Бога не походите на эллинов», ибо и лучшие из них, хотя и одного с нами Бога чтили, не сумели, однако, достичь, подобно нам, совершенного познания о Нем, как требовало того предание, исходившее от самого Сына Божиего. Потому-то и не сказал он: «Не чтите одного с эллинами Бога», но: «Не чтите Его тем же образом, что и эллины, не служите Ему одинаково с ними». Апостол не нового Бога возвещает, а говорит лишь о другом виде служения. Впрочем, он и сам объяснит, какой смысл должны мы соединять с его словами: «Не так чтите сего Бога, как эллины Его почитают». «Впав в постыдное невежество, — говорит он, — и не имея о Боге ясного познания, какое мы имеем о Нем, они понаделали статуй из дерева, камня, бронзы, железа, золота, серебра; потом, поставив перед собой эти изваяния из материи, которая дана была им как рабыня для обыденных нужд, стали им поклоняться. Равным образом воздавали они поклонение и существам, которых Бог назначил им в пищу: пернатым, водоплавающим и пресмыкающимся по земле. Дикие животные, домашние четвероногие, крысы, ласки, кошки, собаки, обезьяны — все было ими обоготовлено. Свою пищу они стали посвящать существам, которые должны были бы сами служить им пищей. Смертное [животных] они стали приносить в жертву смертным [людям], как богам, обнаруживая, таким образом, свою неблагодарность к Богу истинному, чье бытие их нечестием отрицалось. А что это так, т. е. что признаваемый и нами, и эллинами Бог — один и тот же, хотя и есть между нами различие в почитании Его, апостол подтверждает и такими словами: «Не чтите Его как иудеи. Они, воображая, что знают Бога, а на самом деле не ведая Его, чтут ангелов, архангелов, дни месяцев и луну. Понаблюдайте за ними. Если не появится луна, у них и праздника нет: ни так называемой первой субботы, ни опресноков, ни новолуния, ни праз-

* Печатаем отдельные главы. — Прим. сост.

¹ Уже упоминавшийся Климентом апокриф.

днования, ни великого дня (очищения)». В заключение своего изыскания он добавляет: «Чтобы и вы, свято и праведно наученные, сохранили переданное вам и по-новому чтити Бога через Христа». Ибо в Священном Писании читаем мы следующее: *Вот Я завещаю с вами завет новый, не так, как завещал отцам вашим на горе Хорив* (ср.: Иер. 38, 31—32; Евр. 8, 8—10). Новый [Завет] Он завещал нам; все бывшее у иудеев и эллинов — древнее; мы же — христиане, чтущие Его по третьему роду [служения].

Апостол, я полагаю, всем вышесказанным ясно доказывает, что эллины хотя и знали об истинном Боге, но чтити Его по-язычески, иудеи же — по-иудейски, а не так, как следовало чтить Его — духовным образом. Апостол свидетельствует далее, что блага обоих заветов исходят от одного и того же Бога. Это тот же Бог, и в эллинов вложивший стремление к мудрости, которой они прославили Вседержителя. Приведенные слова апостола служат этому неопровержимым доказательством. Итак, отныне и воспитавшиеся на учениях эллинских, и последователи закона Моисеева, принимая веру, соединяются в одну семью и составляют один народ, шествующий спасительным путем и лишь временно разделенный на три ветви, чтобы видели в них [как бы] три природы питомцев единого Бога, различаемых по трем заветам и [верующих] Его слову. [В самом деле], желая спасти хотя бы иудеев, Бог посылает им пророков. Точно так же и среди эллинов воздвигает он людей наиболее испытанных в рассуждении, выделяет их из прочего народа и делает пророками, возвещавшими божественные благодеяния [в меру собственного разума их]. «Проповедь» Петра уже убедила нас в этом, а Павел, подтверждая ее, говорит: «Возьмите также книги эллинов; соберите прорицания Сивилл и услышите, что и те и другие возвещают единство Божие и предрекают будущее. Возьмите [книгу] Гистаспа² и читайте. Здесь вы найдете еще более ясное и точное откровение о Сыне Божиим. Мы прочтем здесь, что множество царей вооружается против Христа, ненавидя и Его, и носящих имя Его, и верных Ему, и долготерпение Его, и Его пришествие». Потом, подытоживая все сказанное, апостол спрашивает: «Чье достоинство этот мир и все, что в нем? Не Бога ли?» Потому-то, по словам Петра, Спаситель и говорит апостолам: «Если кто из Израиля захочет, покайся во имя Мое, уверовать в Бога, то его грехи отпустятся ему. Через двенадцать лет выходите в мир. Пусть никто не скажет: Мы не знали»³.

¹ Вероятно, речь идет об апокрифических «Деяниях Павла».

² Легендарный составитель пророческой книги о Христе и Его царстве, отождествлявшийся с одноименным бактрийским царем, современником Зороастра.

³ Ср.: *Евсевий Памфил*. Церковная история, V, 18, 4.

6. [Кроме иудеев, Евангелие было возведено и язычникам — как находящимся в аду, так и живущим земной жизнью]

Как в наши дни своевременно явилась евангельская проповедь, так вовремя были даны варварам [иудеям] закон и пророки, а эллинам — философия, готовившая их слух к [восприятию] проповеди. *Итак, говорит Господь, избавивший Израиля* (ср.: Ис. 49, 7). *Во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе; и сделал тебя заветом народов, чтобы ты восстановил землю и наследовал наследие пустыни; чтобы ты сказал находящимся в узах: «Выйдите!» и тем, кто во тьме: «Покажитесь!»* (Ис. 49, 8—9). Если правда, что именно пленным евреям Господь сказал: *Оставьте, если хотите, узы ваши*¹, видя в них добровольных пленников, принявших на свои плечи бремена неудобноносимые (ср.: Лк. 11, 46; Мф. 23, 4), то очевидно, что находящимися «во тьме» можно назвать погребших свое главенствующее начало в служении идолам. Так как праведникам, утверждавшимся на законе, недоставало веры, то Господь, исцеляя их, говорил: *Вера твоя спасла тебя* (Мф. 9, 22 и др.). А тем, кто стремился к праведности во имя своей мудрости, предстояло не только обратиться к вере в Господа, но еще и отвергнуть идолослужение. Но едва лишь открылась истина, как и они раскаиваются в прежних согрешениях. Вот почему Господь возвестил Евангелие и заключенным в аду (1 Петр. 3, 19). Писание же говорит: *Ад сказал бездне: Мы не увидели лица Его, а голос Его слышали* (ср.: Иов. 28, 22; 26, 6). Без сомнения, не аду, внезапно обретшему дар речи, принадлежат эти слова: их могли произнести только осужденные в аду и ввергшие себя в бездну, подобно тому, как плавающие на кораблях [во время опасности] сами бросаются в море. Они-то и слышали голос божественной силы. Только безумец вообразит, оскорбляя божественное правосудие, что души праведников и грешников заключены в одном месте.

Но что же, разве не говорит Писание без всяких обиняков, что Господь возвестил Евангелие и погибшим в потопе (1 Петр. 3, 19—20) или, лучше сказать, скованным и содержавшимся в узах плена? Мы говорили уже во 2-й книге «Стромат» (гл.9), что по примеру Господа и апостолы проповедовали Евангелие в аду. Выходит, что добродетельнейшие из учеников должны подражать своему Учителю и в загробном мире — подобно тому, как они подражали Ему на земле, дабы Логос мог привлечь к себе евреев, нисшедших в ад, а апостолы — язычников, или, другими словами, всех, кто жил праведно, согласно требованиям той правды, какие предъявляли им закон и человеческая мудрость и следуя которым они впадали в частые прегрешения, будучи далеки от совершенства. Достоинству божественного замысла и подобало, чтобы все выказавшие большую праведность и покаявшиеся в заблуждениях прежней жизни — даже

¹ По-видимому, аграф.

если они в иных местах пребывают, — благодаря врожденному знанию сокровенного признали себя достойным Бога Вседержителя и были спасены. Уповаю, что это и совершит Спаситель, ибо дело Его — спасать. Он и совершил его, привлекая Своей проповедью к спасению всех, кто хочет в него уверовать — где бы те ни находились. Итак, если Господь сходил во ад, — а что сходил Он туда, это несомненно, — не с иной целью, как возвестить здесь Евангелие, то обратил ли Он при этом всех умерших или одних евреев? Без сомнения, всех умерших. Но из этого следует, что спасутся все уверовавшие — даже язычники, ибо они, находясь в преисподней, исповедают имя Господне. Ибо наказания, побуждающие грешника к обращению, весьма благотворны и спасительны и имеют целью его раскаяние, а не смерть (Иезек. 18, 23—32; 33, 11). И к тому же души, освободившиеся от подчинявшей их себе телесной оболочки, способны лучше понять цель и значение наказания, хотя бы они и были омрачены страстями. Неужели кто-нибудь скажет, что Господь при своем сошествии во ад обратил только евреев, у которых и познание и вера были весьма несовершенны, ибо они подаются лишь Спасителем? Итак, ясно, что Бог, у которого нет лицеприятия (Деян. 10, 34; Рим. 2, 11), послал апостолов, как здесь, [на земле], так и там, [в аду], возвестить Евангелие тем из язычников, кто еще мог обратиться. Прекрасно сказано в «Пастырь»: «Итак, они сошли с ними в воду; но они-то [апостолы] и сошли и вышли живыми, а те непогребенными мертвецами вошли и [как] ожившие вышли»¹. Евангелие повествует далее, что многие из умерших восстали из гробов, в которых покоились (Мф. 27, 52), — без сомнения, для того, чтобы переселиться на лучшие места. По замыслу же Спасителя, произошло мировое сотрясение и всеобщая перемена. Праведник, поскольку он праведник, не отличается от другого праведника, принадлежит ли он к эллинам или к евреям, живущим под законом, ибо Бог есть Господь не только евреев, но и всех людей (Рим. 3, 29; 10, 12), хотя, конечно же, как Отец Он ближе к тем, кто Его знает. Если жизнь добродетельная равнозначна жизни по закону, а сообразоваться с законом — значит, жить в согласии с разумом; если, с другой стороны, и до закона жившие добродетельно были детьми веры и должны считаться праведниками, то очевидно, что и рожденные вне закона могли вести жизнь праведную, опираясь лишь на голос своей совести, и, следовательно, даже находясь в аду и темнице (1 Петр. 3, 19), могли обратиться и уверовать, услышав голос Господа — или от Него Самого, или через Его апостолов.

Не забудем, что Господь есть сила Божия (ср.: 1 Кор. 1, 24) и что сила Божия не ослабевает. Всем же предшествующим доказано, что Бог благ, что Господь может правосудно и беспристрастно спасать всех обращающихся к Нему — здесь, на земле, или в другом

¹ Пастырь Ерма 9, 16.

каком-либо месте. Ведь не только здесь поспевает действующая сила [Божия], но проявляется везде и всегда. Поэтому-то в «Проповеди Петра» и сообщается, что по воскресении Господь среди прочего говорил апостолам следующее: «Я избрал вас числом двенадцать: считая Своими учениками, достойными Меня, которых [Я] Господь восхотел, найдя верными апостолами [и] посылая в мир возвещать Евангелие людям по всей вселенной — [чтобы и тем] познать, что есть один Бог — являть через веру в Меня, Христа, будущее; дабы слышавшие и уверовавшие спаслись, а не уверовавшие [но] слышавшие [сами против себя] свидетельствовали, не имея оправдания в словах: “Мы не слышали”». Что же? Весть о божественном домостроительстве и воплощении разве не до самого ада проникла, чтобы и там все души, услышав божественную проповедь, или обнаружили раскаяние, или засвидетельствовали, что несут справедливое наказание за свое неверие. То было бы делом несправедливым, если бы умершие прежде Христова пришествия — ни благовестия не слышавшие, ни оснований для веры или неверия не имевшие — наследовали спасение или осуждение. Никоем образом не подобало, чтобы те были безоговорочно осуждены, а умершие после пришествия Господа, напротив, одни только и наслаждались божественным правосудием. Всякой разумной душе свыше возвещено следующее: «Все, чем согрешил любой из вас по неведению и несовершенному знанию Бога, будет ему отпущено, если он, узнав [истину], покается. Ибо вот, — говорит Господь, — Я положил перед лицом вашим жизнь и смерть, чтобы [вам] избрать жизнь»¹ (ср.: Втор. 30, 15, 19); при этом речь идет о подлежащем выборе, а не о том, что уже содеяно. В другом месте Писания говорится: «Если послушаете Меня и захотите, будете вкушать блага земли, если же не послушаете Меня и не захотите, меч вас пожрет. Уста Господа сказали это» (ср.: Ис. 1, 19—20). Прислушаемся также к Давиду или, лучше сказать, самому Господу, говорящему именем этого святого мужа (а свят каждый, кем бы он ни был, кто от начала мира спасался верой или еще будет ею спасен): *Возрадовалось сердце Мое и язык мой возвеселился. Даже и плоть Моя упокоится в надежде, ибо Ты не оставишь души моей во аде и не дашь святому Твоему увидеть тление. Ты дал Мне познать путь жизни; лицом Твоим исполнил меня радости* (Пс. 15, 9—11; Деян. 2, 26—28).

Итак, по примеру народа, избранного Господом, народ святой составляют не только евреи, но и всякий обратившийся из язычников, который пророчески назван *прозелитом* (Втор. 28, 43). Писание справедливо говорит, что вол и медведица будут вместе (Ис. 11, 7). Иудей представлен здесь в образе вола — животного, которое носит ярмо и объявлено в законе чистым, потому что отгрызает жвачку и копыто его раздвоено. Медведица же — животное нечис-

¹ «Проповедь Петра», фрагмент 8. Ср.: Деян. 17, 19; 17, 30.

тое и дикое — есть образ язычника. Рождающиеся от нее медвежата выглядят бесформенной грудой мяса; облизывая их языком, мать придает им свое подобие и свой характер. Не так ли и действие Логоса преобразует язычника? Вырванное из жизни языческой дикое естество его становится ручным и, подобно естеству вола, чистым. Таков же смысл и следующего пророческого изречения: *Сирины¹ благословят Меня и птенцы страуса и все звери пустыни* (ср.: Ис. 43, 20). Животные пустыни, т. е. мира, известны как нечистые. Под насельниками этих уединенных мест пророк понимает язычников, кого вера еще не смягчила, чья жизнь гнусна и кто дочь веры — праведностью — еще не очищен. Преобразуемые же верой, они из диких, какими были прежде, становятся народом Божиим, достигая этого высокого достоинства лишь потому, что воля их с самого начала была расположена к обращению. Бог с одними говорит, побуждая их; к другим, уже начавшим дело своего спасения, Он простирает Свою длань и привлекает к Себе. *Не смущается [ничьим] лицом Господь всех, не устрашается величия, ибо и малого и великого Он сотворил и промыслил о всех равно* (Прем. 6, 7). И у Давида мы читаем: *Увязли язычники в пагубе, которую соделали; в силки, которые [сами] скрыли, попалась нога их* (Пс. 9, 16), тогда как *Господь стал прибежищем для нищего, помощником и в благополучии, и в скорби* (Пс. 9, 10). О чем еще свидетельствуют и дают право заключать все эти изречения Писания, если не о том, что во время для того благоприятное Евангелие дошло до слуха тех, кто жил в скорби. Вот почему псалмопевец прибавляет: *Возвестите среди народов дело Его* (Пс. 9, 12), чтобы не были они без вины виновными. Если Спаситель проповедовал Евангелие живым, чтобы не быть им осужденными несправедливо, то отчего бы не смог бы Он из тех же побуждений возвестить его и умершим прежде его пришествия? *Праведен Господь и вправду возлюбил; лицо его видит правоту ... любящий же неправду ненавидит свою душу* (Пс. 10, 7, 5). Если всякая плоть согрешившая погибла в водах потопа, будучи этим великим уроком вразумлена и в то же время наказана, то следует верить, что божественная воля, от начала имевшая в виду и устроившая наше спасение и научение, тем более спасает обращающихся. По справедливости называют душу бесплотной. И если тонкости ее существа и невещественности ее начала и вода потопная, стихия грубая и осязаемая, не могла повредить, то тем меньший вред наносит ей смерть обычная. Если же некоторые части души под действием греха грубеют, то эту приставшую и чуждую ей ржавчину она в состоянии сбросить с себя вместе с плотским духом (Гал. 5, 17), пожелания которого неизменно расходятся с ее собственными.

¹ Сирина (от греч. «сирена» — мифическое человекоподобное существо, завораживающее своим пением) — легендарная птица, обитающая в труднодоступных местах. По-видимому, Климент причисляет и ее к нечистым животным.

Вот и Валентин, глава [еретиков], проповедовавших всеобщность [откровения]¹ в своей беседе «О дружбе», говорит буквально следующее: «Большая часть того, что написано в народных [предназначенных для всеобщего употребления] книгах, написано в Церкви Божией. Ибо сказанное от сердца есть общее всем, т. е. закон, написанный в сердце. Таков народ Возлюбленного, любимый Им и любящий Его». Иными словами, общенародные книги — будь то священные книги иудеев или сочинения философов — одинаково причастны истине. Исидор, ученик и сын Василида, и сам в 1-й книге толкований на пророка Пархора говорит так: «По словам афинян, Сократу нечто было возведено неким демоном, [всегда] его сопровождавшим, а Аристотель утверждал, что все люди общаются с демонами, никогда не покидающими их во время пребывания в смертном теле. Он заимствовал это учение у пророков, а затем, скрыв источник, ввел в свои сочинения». Во 2-й книге тех же толкований Исидор добавляет: «Пусть никто не думает, скажем мы, будто учение, излагавшееся некоторыми избранными, является их собственным. Это не их находка; заимствованное у пророков они приписали тому, кто был среди них [наиболее] мудрым». И далее: «Стремящиеся к мудрости должны, я думаю, уяснить, что означают крылатый дуб и разноцветное покрывало на нем, о которых иносказательно упоминает в своих рассуждениях о Божественном Ферекид, [в свою очередь] взявший эти образы из пророчества Хама»².

7. [О качествах истинной мудрости и божественном ее источнике]

В начале своего сочинения мы объявили, что будем говорить не о правилах отдельных школ, а о том, что есть истинная философия, упражняющаяся в подлинно искусной мудрости, дающая опыт в вещах жизненно важных; твердое познание того, что касается Бога и человека; некое прочное и непоколебимое обладание, сцепляющее воедино настоящее, минувшее и будущее — то, чему научил нас [Сам] Господь либо Своим пришествием, либо через пророков. Она неизменна, как переданная от Сына по божественной воле, и как познанная через Него является всецело истинной. Она и вечна, и полезна для целей временных; всегда одна и та же, но проявляется во многом и различном; не волнуемая ни малейшим движением страсти, пребывает среди страстных пожеланий; будучи совершенной, вместе с тем [как бы] немошна. Такова мудрость, которой столь усердно добывается философия, ищущая блага души, правоты слова и чистоты жизни, с любовью и влечением устремленная к мудрости и делающая все, чтобы овладеть ею. Философами же мы называем

¹ Валентин и его последователи считали, что Бог явил Себя язычникам с такой же полнотой, как и еврейскому народу.

² Апокриф, по-видимому, гностического происхождения.

тех, кто любит мудрость Творца и Наставника всех, т. е. Сына Божиего, а эллины — тех, кто состязается в словах о добродетели. Пожалуй, можно было бы считать философией то единство безупречных суждений и согласной с ними жизни, которое встречается в различных школах, рассмотренных мной по ходу рассказа о философских учениях. Тайно добытое по божественной милости у варваров было затем украшено эллинским слогом. Но у кого похитили, тех плохо поняли. В одних случаях сказанное по [божественному] вдохновению было несовершенно истолковано, в других — испорчено человеческими догадками и рассуждениями, в которых заблудились. Философы думают, что держат в руках всю истину, мы же утверждаем, что они владеют ею лишь отчасти, и далее этого мира познания их не простираются. [В этом смысле об их мудрости можно сказать то же, что и о геометрии и живописи.] Геометрия их воспроизводит меру, величину и форму разных предметов; но она чертит их на плоской поверхности. Живопись [как бы] приспособливает все видимое пространство к сценическому изображению и тем самым искажает его. Благодаря некоторым остроумным приспособлениям, она правдоподобно передает выпуклости, впадины и плоскости предметов, так что одни из них выступают, другие оказываются в некоей глубине, третьи — возвышаются над плоскостью. То же приложимо и к эллинским мудрецам [философам]. Их рассуждения об истине не вернее того, как живопись передает внешние предметы. И лишь по неумеренному себялюбию гордились они частичным обладанием истиной; но неумеренное себялюбие всегда бывает причиной заблуждения и падения. Вместо того чтобы себялюбиво стремиться к человеческой славе, следовало бы из любви к Богу заботиться и об истинной «праведности с рассуждением»¹. Принимать часть за целое, давать над собой власть тому, что должно бы занимать служебное положение, — значит поистине уклоняться от путей истины и не разуметь того, в чем признавался Давид, говоря: *землю и прах я ел как хлеб* (ср.: Пс. 101, 10). Себялюбие и гордость были для него прахом и заблуждением.

Итак, и познание, и опытность — от научения, и необходимо найти истинного в нем наставника. Так Клеанф пошел учиться к Зенону, Феофраст к Аристотелю, Метродор к Эпикуру, Платон к Сократу. Дойдя же до Пифагора, Ферекида и Фалеса, я останавливаюсь и спрашиваю себя: «А кто у них был учителем?» Напрасно ты будешь называть мне египтян, индусов, вавилонян или даже самих магов. Я без усталости буду выпрашивать о наставниках и этих последних. Дойдя до первого поколения, я и тут спрошу: «Кто их наставлял? Не люди же? Ведь тогда никто не был еще ничему научен! И конечно, не ангелы: и по существу, и по устройению своему они иные, чем человек. Нет у небожителей языка, чтобы говорить, — а у чело-

¹ Выражение, заимствованное из диалога Платона «Теэтет» (176В).

века имеются уши. Нет у них и органов, производящих звук, — уст и того, что находится при них: дыхательного горла, груди, гортани, да и самого дыхания, которое заставляет воздух колебаться». Много нужно взывать [людям] к Богу, безмерно отстоящему в Его неприступной святости и от архангелов. А что не ангелы были наставниками первых людей, известно и из предания, которое говорит, что и сами они, и начальствующие среди них получили истину извне, будучи, как и мы, существами тварными. Таким образом, в поисках их наставников придется нам несколько отступить. А поскольку есть только одно несотворенное Существо, а именно Вседержитель Бог, и одно Существо, рожденное прежде всех, *через Кого все произошло и без Кого не произошло ничто* (ср.: Ин. 1, 3), ибо «поистине есть один Бог, Который создал начало всех вещей¹», — говорит Петр, под «началом» разумея едиnorodного Сына Божия и глубоко проникая в слова: *Вначале сотворил Бог небо и землю* (Быт 1, 1), Кого все пророки называют Премудростью, то именно Он, все знавший наперед Советник Бога, и есть Наставник всего тварного. От начала мира Он *многократно и многообразно* (Евр. 1, 1) наставлял и усовершеншал [человеческий род]. Вот почему и сказано: *Не нарекайте* никого на земле вашими наставниками (ср.: Мф. 23, 8 сл.).

Теперь нам ясно, из чего слагается истинная мудрость. Хотя закон (Ветхий Завет) есть лишь образ и тень (ср.: Евр. 10, 1), но все же это тень истины; самолюбие же эллинов провозгласило учителями обыкновенных людей.

Как начало всякого отцовства восходит к Богу — Творцу (ср.: Еф. 3, 14—15), так от Него же исходит и всякое наставление — оправдывающее, собирающее [воедино] и направляющее.

Конечно, есть люди, не взращивающие в себе семена истины (ср.: Лк. 8, 5). Семена эти лежат в душе их как бы сокрытыми в бесплодной и неорошаемой земле или гложут там от множества сорных трав. Подобно древним фарисеям, эти новые фарисеи закону непокорны. Кроме того, они воровски примешивают к преданиям божественным учения человеческие (Мф. 15, 9). В этих заблуждениях людских виновен не божественный Наставник, а сам человек, по своевольному упорству заградивший свой слух его внушениям. Те же, кто уверовал в пришествие Спасителя и в исполнение всего, что возвещено о Нем через Писание, имеют ведение закона, подобно тому как и эллинские мудрецы, внимавшие наставлениям Господним, приобрели познание истинной мудрости. *Речи Господа — речи святые; серебро, огнем переплавленное, испытанное землей, седмикратно очищенное* (Пс. 11, 7). Иными словами, праведник, будучи монетой Господа, имеющей царскую печать, подвергается испытанию и очищается, как серебро, или, как и Соломон говорит: *Язык праведника — серебро переплавленное* (ср.: Притч. 10, 20). Он желал

¹ «Проповедь Петра», фрагмент 2.

выразить этим, что испытанное и мудрое учение и похвально, и принятия достойно как неоднократно очищенное от всякой земной примеси; иначе говоря, что истинно мудрая душа многообразно освящается воздержанием от земных разжжений. Освящается и тело, в котором живет [такая душа], преобразуясь в чистый храм Святого [Духа]. Для души же первое очищение есть воздержание от зла, которое некоторые принимают за совершенство, но это совершенство простых верных — будь то иудеи или эллины. Праведность истинного мудреца простирается далее того, что обычно считают совершенством, — к исполнению блага на деле; а всякий, у кого стремление к праведности выросло в добродетель, через уподобление Богу достиг в своем совершенстве незыблемых благ. Потомство Авраама, служившее Богу, состояло из званых (Мф. 22, 14; 20, 16); сыны же Иакова, за то, что запяли¹ зло, оказались избранными.

Итак, если мудростью мы называем Самого Христа и Его действие в пророках, через которых происходит научение истинной мудрости, — чему и святых апостолов Господь учил во время Своего пришествия, — то это учение и есть мудрость, будучи крепко — надежным знанием и постижением как прошедшего, так и настоящего и будущего, мудрость, переданная и открытая нам Сыном Божиим. И если цель мудрого — созерцание, то и созерцание эллинских философов было направлено — хоть и безуспешно — к божественному знанию. Достигает же эта умозрительная деятельность цели, т. е. познания Бога, лишь в тот день, когда через христианское освящение мирской мудрец вводится в постижение пророческих предвозвещений, возвышаясь таким образом до уразумения того, что было, что есть и будет.

Это наивысшее познание, передаваясь из рода в род, без посредства каких-либо особых писаний и ранее всех сообщенное немногим из апостолов, дошло по преемству и до нас. Итак, следует добиваться этого познания, или мудрости, ради созерцания вещей вечных и неизменных.

8. [Философия, хотя апостол и ставит ее ни во что в сравнении с совершеннейшим евангельским знанием, есть тем не менее познание от Бога]

И Павел в своих посланиях, как оказывается, не огульно порицает философию. Он не желает лишь, чтобы верный, взойдя к высоте истинного познания, нисходил оттуда в низины философии эллинской, которую иносказательно называет стихиями мира (ср.: Кол. 2, 8), т. е. наукой первоначальной и только готовящей к восприятию истинного учения. Поэтому и евреям, оставившим веру ради предписаний Моисеева закона, он пишет следующее: *[Или] вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно моло-*

¹ Намек на имя «Иаков», означающее «запинатель», т. е. «державший за пятую».

ко, а не твердая пища? (Евр. 5, 12) Точно так же к обратившимся к вере колоссянам он пишет: *Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу* (Кол. 2, 8), т. е. соблазнив вновь уклониться в философию к первоначальному [элементарному] учению.

Вся мудрость, которую измыслили эллины, скажут мне, есть выражение человеческого разумения. Я же на основании Священного Писания отвечаю им, что разум — это дар Божий. Псалмопевец считает его наидрагоценнейшим даром и просит о нем Бога в таких словах: *Я раб Твой; вразуми меня* (Пс. 118, 125). В другом же месте он молит о даровании ему всестороннего познания: *Благости и наставлению и ведению научи меня, ибо я уверовал в заповеди Твои* (Пс. 118, 66). Этим он засвидетельствовал, что оба завета — от Господа. В другом месте псалмопевец опять восклицает: *Ни одному народу не соделал такого [Бог] и повелений Своих не явил им* (Пс. 147, 9). Слова: *Ни одному народу Ты не соделал такого* — показывают, что Господь был милостив и к остальным народам, но только по-иному. Частицей так устанавливается наше преимущество [над другими народами]. Добавив *такого*, [псалмопевец] утвердил наше первенство [перед другими народами]. Ту же мысль пророк мог выразить и без этого прибавления. Петр в «Деяниях» говорит: *Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но что во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10, 34—35). Не в одно только какое-либо определенное время Бог нелицеприятен, но всегда, от вечности, ибо вечна Его щедродательность. И подобно тому как Сам Он ни к одному определенному месту не привязан, так и благодать Его не простирается лишь на избранных, но изливается всегда и не знает никаких изъятий. *Отворите мне врата правды, — говорит псалмопевец, — войдя в них, исповедаю Господа. Вот врата Господни: праведники войдут в них* (ср.: Пс. 117, 19—20). Варнава объясняет эти слова пророка так: «Из множества открытых врат лишь одни ведут к той правде, что во Христе; блаженны все, вшедшие в них»¹. Та же мысль содержится и в следующих словах Псалмопевца: *Господь над водами многими* (Пс. 28, 3), откуда следует не только то, что каждый завет имеет свои особенности, но также и то, что у эллинов к праведности ведут одни учения, у варваров — другие. Но вот и царь-пророк, свидетельствуя об истине, восклицает с негодованием: *Пусть низринутся грешники в ад, все народы, забывающие Бога* (Пс. 9, 18). Забывают они о Боге, о котором прежде памятовали; прежде чем забыть, знали Его и они; теперь же не чтут.

¹ Ошибка Климента или переписчика, приписавших ап. Варнаве отрывок из 1 Послания к коринфянам (48, 4 сл.) св. Климента Римского. ср.: «Строматы», кн. 1, гл. 8 (с. 48 наст. изд.).

Итак, язычники имели о Боге некоторые представления, хотя и смутные и неясные; это, я полагаю, доказано.

Итак, следует, чтобы истинно знающий был многоучен. И поскольку эллины вспоминают, что Протагор всякому мнению противопоставлял иное, то ему нужно освоиться и с искусством возражения. *Многоречивый*, — говорит Писание, — *пусть и сам выслушает в ответ* (Иов. 11, 2). «Кто уразумеет притчу Господа, если не мудрый, сведущий и любящий Господа своего?»¹ «Пусть будет кто-нибудь [из вас] верен, или способен изречь сокровенное знание, или мудр в различении слов, или ретив в делах; он должен тем смиреннее помышлять [о себе], чем выше он во мнении [других]», — говорит Климент в Послании к коринфянам². Наконец, он должен следовать и такой заповеди: *И одних из огня спасайте, колеблющихся же милуйте* (ср.: Иуд. 22 сл.) Назначение виноградного ножа в том, чтобы подрезать лозу; но он служит также и для разрезания спутавшихся лоз, и для вырезки терна, растущего около них и образующего непроходимую стену. Все эти разнообразные действия ножа связаны с главным его назначением. Применяя это сравнение к человеку, видим, что, имея главной целью познание Бога, он занимается, однако, и земледелием, и геометрией, и философией. Из трех этих наук одна необходима для [повседневной] жизни, другая учит его жить правильно, третья объясняет все относящееся к области доказательств.

Но некоторые полагают, впрочем, что философия происходит от диавола.

Положим, это и так, ибо Писание говорит, что диавол преобразуется в *ангела света* (2 Кор. 11, 14). Зачем? Ясно, что ради пророчества. Что же делает он, [когда преобразуется]? — Ясно, пророчествует! Если же он пророчествует как ангел света, то, стало быть, говорит истину. Если же пророчество это под стать ангелам и свету, а вместе с тем и полезно, то, значит, он, преобразуясь, уподобляется (им) и по действию, хотя в сущности своей остается отступником и мятежником. Что лучше этой приманки: стремящихся к истинному ведению привлечь сперва блеском истины, а после ввести в заблуждение! Кроме того, диавол не чужд знания истины, хотя и не способен всецело ее охватить.

Философия, следовательно, не есть еще ложь от того лишь, что высказывает ее и вор, и лжец, подделывающий истину и при этом более всего самого себя обманывающий. Не следует из ненависти к говорящему с чужих слов заранее осуждать сказанное им; нужно поразмыслить, есть ли тут истина; такая предосторожность особенно необходима по отношению к тем, кто ныне слывет за пророков. Мы не погрешим, утверждая вместе с другими, что все необходимое

¹ Послание Варнавы, 6, 10.

² Св. Климент Римский. 1 Послание к коринфянам, 48, 4—5.

и полезное для нашей жизни исходит от Бога. Но мы гораздо ближе будем к истине, если скажем, что философия дарована эллинам в качестве особого и наиболее приличествовавшего им завета — некоего подножия христианской философии, хотя сами эллинские философы и не желают слушать истины — частью из пренебрежения ею как к учению варварскому, частью из-за смертной опасности, которой грозят верным гражданские законы¹. Дело, однако, лишь в том, что рука, привыкшая рассеивать плевелы (Мф. 13, 25), посеяла их и в эллинской философии, так же, впрочем, как и в варварской. Отсюда и у нас возникли ереси, соперничающие с семенем добрым. Отсюда произошло и нечестивое учение Эпикура; отсюда-то и сладострастие [в качестве высшего блага], и множество иных странностей, под именем эллинской философии пущенных в ход софистами, — обманчивые плоды на дарованной от Бога ниве. Эти-то располагающие лишь к чувственным удовольствиям и высокомерные учения апостол и называет *мудростью века сего* (1 Кор. 2, 6), потому что они действительно обращают лишь к этому миру, привязывая к нему все помыслы своих питомцев и делая их таким образом зависимыми от его властей. Это лишь начальная мудрость и часть того совершенного познания, которое обитает за пределами этого мира в области умопостигаемого и занимается предметами еще более духовными, о которых говорится: *не видел того глаз, не слышало ухо и не восходило то на сердце людей* (ср.: 1 Кор. 2, 9), прежде чем их не объяснил нам истинный наш Учитель. Сначала Он открыл законным наследникам божественного усыновления святое святых, а затем постепенно и еще более возвышенные истины.

Мы осмеливаемся даже утверждать и нечто большее, а именно следующее: истиннознающему все известно, ибо вера возвышает его и до этого. Такими были Иаков, Петр, Иоанн, Павел и все остальные апостолы. В твердости и неколебимости своего разума он постигает все, что остается неясным для нашего разума и что относится к истинному ведению. В пророчествах содержатся поистине все тайны познания: ведь Господь, вложив их в уста пророков, сам впоследствии и объяснил апостолам. И не есть ли познание то достояние разумной души, благодаря которому мы вписаны в книгу бессмертия? У души две силы — познание и стремление. Стремление есть движение, следующее за согласием на него. У человека, занятого добрым делом, этому последнему всегда предшествует познание, а затем является и стремление.

Есть еще нечто достойное внимания. Так как действию у нас предшествует изучение; так как самой сущностью дела обусловлено, чтобы действующий свободно — прежде чем решиться на дело — знал, что он хочет делать; так как познание следует за изучением, действие же — за стремлением или желанием; так как знание происте-

¹ Т. е. из страха гонений.

кает от изучения, стремление от познания, а из стремления родится действие, то отсюда выходит, что началом и двигательной причиной всякого разумного действия является познание. Итак, мы правы, называя познание главной, господствующей силой души, которая характеризует ее существо, поскольку и стремление и познание движутся в сфере сущего. Отсюда следует, что собственно познание есть состояние души, созерцающей один или несколько предметов, а если она совершенна — то и всю совокупность сущего. Но, по словам некоторых, даже и мудрый убежден в непостижимости тех или иных вещей, полагая, что все относительно них постижимое лишь этой непостижимостью и исчерпывается. Вот кто прост и недалек — насчет [высших] способностей [души]. Этот мудрец утверждает, что есть вещи непостижимые. Мудрец же истинный, о котором я говорю, постигает и там, где разумение других оказывается коротким; он убежден, что для Сына Божиего нет непостижимого; следовательно, ничего нет и такого, чего нельзя познать. Допустимо ли, чтобы Тот, Кто по Своему человеколюбию претерпел столько страданий, хоть что-нибудь оставил неподлежащим человеческому ведению? Не для дарования ли познания приходил Он на землю? Так вера сама становится твердым и неопровержимым доказательством, ибо истина неразрывно связана с преданным нам от Бога учением. *Если же и многоопытности желает кто, [и] ведения древности; [если] и будущее проразумевает, искусен в тонкостях речей и решает загадки; проникает в знамения и чудеса, исход времен и лет* (Прем. Сол. 8, 8) — тот ученик Премудрости.

9. [Истинный мудрец хранит свою душу от всякого рода нестроений и волнений]

Преимущество истинного мудреца в том, что он признает лишь те нужды, удовлетворения которых требует телесное здоровье: таковы голод, жажда и другие им подобные ощущения. Смешно утверждать, что тело Спасителя как таковое требовало для поддержания его различных забот и попечений, подобных тем, каким мы поддерживаем свою телесную жизнь. Спаситель ел, но не для поддержания тела Своего, которое поддерживалось и сохранялось силою божественной, но для предупреждения в среде Его близких мысли, будто Он имеет тело призрачное, как позднее и говорили некоторые. В общем и целом был Он бесстрастен; чужды Ему были смятенные душевные состояния; не тревожился Он и стоял выше всяких услад, равно как и печалей. Благодаря учению Господа и заключенному в нем сокровищу познания, они победили в себе страх и гнев со всеми пожеланиями и, начиная от воскресения их Учителя, казалось, не испытывали движения и тех страстей, которые считаются благородными — каковы, например, отвага, рвение, радость и веселье. С тех пор они утвердились в неизменном расположении духа, которое уже не покидало их, непричастных всем волнениям. Без сомнения, толь-

ко что упомянутые внутренние движения, умеряясь и направляясь разумом, не имеют в себе ничего предосудительного. И все же в душе совершенного они не находят себе места. К чему послужили бы ему, например, отвага и смелость? Так как нет ничего устрашающего — ужасных событий, скорбей или волнений, способных отвратить его от любви к Богу, то он, следовательно, никогда и не подвергается опасности. Что общего у него с радостью? Никогда он не испытывает печали, поддерживая себя убеждением, что все благо. Он никогда не гневается, да и как ввести в гнев того, кто постоянно проникнут любовью к Богу, лишь о Нем помышляет и, следовательно, не может питать ненависти ни к какому Божию творению? Неведомо ему и рвение. Чего еще недостает ему до полного слияния с Тем, Кто благ и прекрасен? Ни к кому не чувствует он и той грубой привязанности, что зовется дружбой: в творении он любит Творца. Далеки от него все похотения и зависть. Он располагает всеми сокровищами — по крайней мере духовными, пребывая через любовь в постоянном общении с Возлюбленным; с Ним соединен он узами избрания; и легкость этих уз, и близость к Христу еще более укрепляются усердным исполнением заповедей; он блажен оттого, что располагает изобилием всех благ, ибо ради них силится он стать подобным [своему] Учителю в бесстрастии. Разумно Слово Божие, вследствие чего отображение ума видится лишь в человеке. И потому человек добродетельный по душе и боговиден, и богоподобен; Бог же, со Своей стороны, человекоподобен. То общее, чем каждый из нас запечатлен, есть ум. Итак, согрешающие против человека — кошунники и нечестивцы.

Но кто-нибудь скажет, что истинный мудрец и человек совершенный может таить гнев и отвагу в глубине сердца и не должен отрешаться от них — иначе без содействия двух этих вспомогательных средств не сможет он ни вооружаться на врага, ни противостоять напасть. Сторонники этого мнения говорят еще, что если заглухнут все желания, то изложет его печаль и с позором окончит он жизнь. С угасанием желаний, продолжают они, мудрец лишится и честолюбия, которое человека добродетельного заставляет устремляться вперед. Ведь если союз со всякого рода добродетелями достигается через желание, то как требовать от стремящегося к ним, чтобы он оборвал все привязанности?

Вздорное и ребяческое возражение! Высказывавшим его устам, по-видимому, неведома божественная природа любви. Любовь не есть желание; это союз святой и нежный, вводящий истинного мудреца — и без посредства времени и места — в единство веры. Тому, кого любовь уже наделила всеми благами, которыми он будет владеть некогда, — ибо он через воплощение в себе добродетели проникся и самой надеждой на их получение — тому нечего желать, потому что он уже заранее, насколько может, наслаждается всеми желанными ему сокровищами. Что же дивного в том, что душа, в

которой познание соединено с любовью, всегда остается невозмутимой? Горячее и завистливое желание явить собой нечто прекрасное тоже не мучает истинного мудреца: любовь и его самого наполняет красотой. К чему жало желаний и увлечение отвагой человеку, который по своей любви к Богу уже вписан в число друзей Его? Через эту любовь он уже соединен с Богом, а Бога никогда не касается даже и малейшее и ничтожнейшее изменение. Понятно теперь, почему мы изгоняем из души истинного мудреца даже мнимое волнение и смятенность. Познание порождает упражнение, упражнение переходит в постоянное расположение духа; такое расположение, в свою очередь, дает душе свободу от всяких беспорядочных движений, а не только власть над ними. В чем же тайна этого неизменного покоя? Владеет ею только исторгнувший из своей души все желания до самых корней их.

Равным образом не вспоминает истинно мудрый и о тех побуждениях, которые обычно выдаются за великое благо, а на самом деле слишком походят на страсти и несут на себе всю мятежность их. Я говорю о радости, столь близкой к наслаждению; о печали, живущей по соседству с горем; об осторожности, столь схожей с боязнью; о живости, родственной гневу. Истинно знающий не обращает внимания на похвалы, воздаваемые этим мнимым благам. Невозможно, чтобы человек, через любовь возвысившийся до совершенства и вечно поддерживающий неутолимость своих желаний созерцанием, которое доставляет ему столь высокое наслаждение, вновь унизился до жалких земных радостей. Что же возвращает к благам мира сего тех, кто достиг *света неприступного* (ср.: 1 Тим. 6, 16)? Лишь то одно, что достигается он еще не во времени и пространстве, но в той познавательной любви, которая приобретает и наследие, и всецелое восстановление [в сыновнем достоинстве], — а эти блага, как свидетельствуют и дела божественного Мздовоздателя, истинный мудрец, преуспевший в познании и первенствующий в любви, получает вперед [уже в этой жизни]. Итак, что же? Восходя к Богу в любви, хотя и оставаясь телом на земле, истинный мудрец, если не совсем отрешается от уз земной жизни, — да это и запрещено ему, — то по крайней мере не освобождает ли свою душу от влияния страстей (а что может быть законнее этого?) и не остается ли свободным на развалинах всякого рода вожделений? Тела он уже не касается. Он позволяет ему пользоваться лишь теми вещами, которые необходимы для его сохранения. И о мужестве что толку говорить с человеком чисто духовным, к которому никакая опасность приблизиться не может, ибо здесь, на земле, он как бы отсутствует, находясь уже всецело возле предмета своей любви? Не нужно ему и воздержание. Эта добродетель доказывала бы его доступность пожеланиям, которые нужно преодолевать, а потому мудрец и предоставляет упражняться в ней тем, кто, не будучи еще вполне чистым, борется со страстями. И мужество также ему не нужно. Оно служит оружием

против страха и робости. Но возможно ли, чтобы друг Божий, еще до сотворения мира причисленный к тем, кто удостоился высшего сыновства (Еф. 1, 4, 5), был доступен действию страха и сладострастия? Разве не укрощением подобных движений души занят он? Скажу без обиняков: предназначенный Богом к совершению именно того, что он делает, к достижению именно той цели, к которой стремится, он и сам себя предназначил к тому же, движимый познанием и любовью к Богу своему. Он не питает неверных надежд в отличие от большинства людей, жизнь которых есть не иное что, как постоянная неуверенность: свет веры и познания освещают для него то, что для других неясно; воодушевляющая его любовь делает для него будущее как бы настоящим. Опираясь на исполнившиеся уже пророчества и тайну воплощения, он верит в слово Бога, Который никогда не обманывает. Он уже располагает тем, во что уверовал, и обетованный дар находится у него в руках. Обетование исходит ведь от самой Истины, потому и достоверно оно. Истинный мудрец, как совершенный [христианин] уверен, что непременно получит обетованное и заранее уже видит осуществление обетования. Таким образом сознающий, что его понимание будущего верно, пылом любви опережает само это будущее. Потому-то он и не просит у Бога никаких земных благ, твердо веря, что владеет истинными сокровищами. Все молитвы его заключаются в просьбе сохранить веру, которая есть осуществление его желаний. Желает он также, чтобы ему уподобилось как можно больше верных, и так распространялась бы слава Божия, полнее всего открывающаяся в познании. Ибо уподобившийся Спасителю через безупречное (насколько то доступно человеческой природе) исполнение божественных заповедей, и сам отчасти становится спасителем других. Вот какова истинная справедливость и вот каково почитание, которое воздает она Богу вместе с правым деянием и истинным познанием. Господь и не дожидается молитв своего благого раба. Проси, говорит ему Он, и сделаю; пожелай, и исполню. Да и не может неизменное корениться и утверждаться в вечной подвижности и непостоянстве; ведь властная способность души от постоянного изменения не просто утратила бы свое свойство, но и вовсе не могла бы сложиться. Спрошу опять: как утвердиться на почве, постоянно колеблющейся вследствие столкновения с внешними предметами? Другими словами: как увериться в том, что обладаешь прочным познанием?

По словам самих эллинских мудрецов, добродетели — это особого рода состояния и внутренние расположения, особого рода искусство и наука. Но нет науки, доступной человеку от природы; каждая наука — дитя воспитания, выпестованное в известных условиях и отношениях. Она становится нашей собственностью, если мы прилагаем к ней усердие. Преуспевают в ней те, кто напрягает свой ум. То же приложимо и к науке божественной. Когда предавшийся ей достигает совершеннейшего познания святых тайн, то любовь созидает

для нее твердое основание. Взойдя на эту высоту, верный доходит не только до Первопричины: он постигает и причину, Ею порождаемую. Неизменно и его расположение, утвержденное на незыблемом основании. И от самой Истины знает он, что истинно все открытое нам о происхождении добра и зла, о сотворении мира и его бытии от начала до разрушения. Какое дело ему до того, насколько это вероятно по человеческому рассуждению и согласно с требованиями мудрости эллинской? Он побоится оказать им больше доверия, чем самой Истине. Язык Господа, неясный для других, для него ясен. Благодаря этому и дано ему познание всего. Ибо пророчества, содержащиеся в наших священных книгах, открывают будущее таким, каким оно предстанет; настоящее — таковым, каким оно есть; прошедшее — каким оно было. Что же касается науки, основанной на доказательствах, то здесь истинный мудрец, благодаря своему многознанию, превзойдет всех; первенствует он и там, где исследуются добродетель и честность. Непрестанно обращаясь к вещам, доступным лишь умозрению, по этим божественным первообразам он судит и обо всем, касающемся человечества, — подобно тому как сверяют путь по звездам мореплаватели. Всегда он готов на доброе дело. Он выше всяких волнующих душу превратностей. Грозит ли ему беда? Не обнаружит он излишней смелости в делах; не изменит ни в чем ни себе, ни общественному благу. Не склонный к наслаждениям, не соблазнится ли он ими ни во сне ни наяву. По привычке к строгому и воздержному образу жизни он остается умеренным и легким на подъем и вместе с тем благочестивым; для жизни же нуждается лишь в насущном и никогда он не печется о маловажном, допуская его лишь в той строгой мере, какой требует поддержание телесной жизни, связывающей его с остальными людьми.

10. [Полезно изучение и человеческих наук; они помогают утверждению веры и уразумению предметов, входящих в науку божественную]

Итак, насущным делом истинного мудреца является познание. Но уважение к познанию как таковому располагает его и к наукам подготовительным, которыми оно обусловлено; ведь в каждой из них он отыскивает оружие, содействующее защите истины. Музыка своим обусловленным мерой ритмом и гармонией аккордов учит его согласию с самим собой. Арифметика, указывая на восходящую и нисходящую последовательность чисел, открывает их соотношение и объясняет, что большая часть вещей и их связи подчинены числовым соответствиям. Углубляясь в геометрию и постигая лишь умозрению доступную ее природу, он, благодаря навыку в созерцании, привыкает к умопредставлению сплошного пространства и насущного, т. е. неизменного бытия, отличного от вещей земных. Астрономия возносит его ум за пределы земли, учит восходить к небесным сферам, следить за движениями светил, приучает к постоянному

созерцанию в уме божественных чудес и царящей между ними гармонии. Наблюдал эти чудеса Авраам и возвысился до познания своего Творца. Но истинно мудрый не останавливается на этом. Он изучает также и диалектику, толкующую о понятиях видовых и родовых и об искусстве различать их. Именно она учит его проникать в сущность предметов, выделять тот или иной из них и этим путем доходить до сущностей первоначальных и простых.

Есть среди них немало боящихся эллинской философии, подобно тому как дети боятся привидений. Если вера их — я уже не осмеливаюсь говорить об их познании — в такой степени слаба, что может колебаться от человеческих рассуждений, то не стоит ее себе и приписывать; пусть эти немощные признают, что никогда и не верили в истину. Будь они ею проникнуты, то и не колебались бы, ибо истина неопровержима: опровергаются лишь ложные мнения. Только сравнив хороший пурпур с плохим, мы останавливаем свой выбор на первом. Сознаться, что колеблешься в своих убеждениях, — значит объявлять всем, что нет у тебя ни пробирного камешка менялы, ни критерия истины. Что станет делать несведущий, усевшись за меняльный стол? Что же будет, когда не сможет он произвести пробу и отличить настоящую монету от поддельной? *Праведник во веки не поколеблется. Ибо, — восклицает Давид, — во век не поколеблется праведник* (ср.: Пс. 111, 6), ни словом лживым, ни уладами не прельстится; из чего следует, что ничто его не в состоянии отклонить от ожидаемого им наследия. *И значит, не устрашится дурной молвы* (ср.: Пс. 111, 7). Что за дело ему до неосновательной клеветы и до ложных слухов о нем? Не боится он хитросплетений речи лукавой; всегда может открыть ложь в изгибах ее. Не всегда ли он и сам готов вопрошать и отвечать? Искусство рассуждения ограждает истинного мудреца подобно валу, останавливающему натиск софистов и мешающему им низвергнуть истину. Ибо подобает, чтобы те, кто хвалится о святом имени Господнем, возвеселились, по слову пророка, сердцем, ищущим Господа (ср.: Пс. 104, 3). *Взыщите Его и укрепитесь, взыщите лица Его на всякое время* (Пс. 104, 4) всячески. Это значит, что постоянно нужно искать Бога — *многократно и многообразно* (Евр. 1, 1), ибо есть несколько способов, одинаково ведущих к Его познанию. Истинно мудрый, не считая себя хозяином множества собранных им знаний, видит в них лишь вспомогательные способы различать общее и частное, позволяющие ему постичь истину. Он знает, что все наши заблуждения и ложные мнения происходят от неумения различать общую сущность вещей и то, что отличает их друг от друга. Говорить о каком-либо предмете, уклоняясь то в одну, то в другую сторону без подразделений и подведения его под ту или иную категорию, — значит, не понимая дела, путать общее с частным. При таком беспорядочном движении немудрено сбиться с прямого пути. Различение же имен вещей вносит свет и в само начертание [устройство] души. И в самом деле необхо-

димо вслушиваться во множество значений одного слова и в единственное значение множества слов. От этого зависит верность и точность выражений.

И все же не стоит тратить время на пустые изыскания. Науки человеческие для истинного мудреца являются лишь подготовительными, хотя они и помогают ему, насколько это возможно, не только восходить умозрением к истине и утверждаться в ней, но и опровергать софизмы ее противников. Он должен быть знаком со всем кругом школьных наук и всей эллинской мудростью. Но сами по себе они не имеют для него никакого значения; он видит в них полезную и лишь по времени и обстоятельствам необходимую принадлежность жизни. В руках еретиков науки это служат средством для распространения лжи и зла, в его же руках — орудием добра и истины. Итак, несмотря на то что истина, содержащаяся в эллинской философии, неполна, она все же истина. Как солнце, изливая свой свет на тела светлые и темные, дает возможность различать их цвет, подобно этому и истины, заключенные в эллинской философии, ниспровергают лживые доводы софистов. Поэтому эллины имеют право [устаами своего поэта Пиндара] восклицать: «О истина, царица мира, мать великих добродетелей»!